

ников осмеивали их и даже некоторые из них запрещали своим последователям посещать те храмы, в которых помицали имя Заместителя, и принимать от сергианских священников таинства.

Это были своего рода тайные разлагатели церковного единства.

К первой группировке принадлежали следующие иерархи:

1. Феодор (Поздеевский), архиеп. б. Волоколамский,
2. Гавриил (Абалымов), еп. б. Осташковский,
3. Дамаскин (Цедрин), еп. Глуховский,
4. Иоасаф (Удалов), еп. б. Чистопольский,
5. Николай (Никольский), еп. б. Вязниковский,
6. Парфений (Брянских), еп. б. Ананьевский,
7. Григорий (Козырев), еп. Суздальский.

Ко второй, «мечевской», группировке принадлежали такие архиереи:

1. Арсений (Жадановский), еп. б. Серпуховский,
2. Зиновий (Дроздов), архиеп. Тамбовский,
3. Серафим (Звездинский), еп. б. Дмитровский,
4. Аркадий (Остальский), еп. Бежецкий,
5. Афанасий (Сахаров), еп. б. Ковровский.

«Даниловская» и «мечевская» группировки не были единым целым: их лица действовали против митр. Сергия в одиночку по своему усмотрению и потому большой опасности для Церкви они не представляли.

ОППОЗИЦИЯ МИТРОПОЛИТА КИРИЛЛА

Как один из отголосков носифлянского раскола является оппозиция митр. Казанского Кирилла.

Митр. Кирилл (в мире Константин Илларионович Смирнов) родился 26 апреля ст. ст. 1863 года в семье псаломщика С.-ПБ. епархии.

Как проходили его детские годы, нам неизвестно. Известно только, что он воспитывался в чувстве радости и благодарности Богу за все¹. С такой настроенностью юноша и вступил в жизнь.

В 1887 г. он окончил со степенью кандидата богословия С.-Петербургскую духовную академию, вступил в брак и был назначен законоучителем Елизаветградской гимназии.

В этом же году 21 ноября Константин принял рукоположение в священный сан.

В 1894 г. его переводят законоучителем во 2-ю С.-Петербургскую гимназию, а в 1900 г. определяют настоятелем Кронштадтской Троицкой церкви.

В 1902 г. он овдовел. Это печальное обстоятельство приводит его к иночеству. 10 мая в том же году он принимает монашество

¹ Речь при наречении его во епископа. Прибав. к «Церковным ведомостям», 1904 г., № 31, стр. 1162.

с именем Кирилла и получает назначение в Урмию (Персия) начальником миссии с возведением в сан архимандрита.

В Урмийской миссии архим. Кирилл пробыл два года.

6 Августа 1904 г. в день Преображения состоялась его хиротония во еп. Гдовского, 3-го викария С.-Петербургской епархии.

Пять лет он трудился в качестве викария с митр. Антонием (Вадковским).

В 1909 г. 30 декабря его назначают еп. Тамбовским и Шацким, а в 1913 г. возводят в сан архиепископа.

В 1918 г. 19 марта он был назначен митр. Тифлисским и Бакинским, Экзархом Кавказским. Но ввиду военных действий к месту своего назначения он не поехал.

В середине 1918 г. его определили митрополитом Казанским и Свияжским.

В 1922 г. 12 августа митр. Кирилл был лишен физической возможности управлять епархией. Он поселился где-то в Сибири в Красноярском крае.

Патриарх Тихон в своем завещании поставил митр. Кирилла первым кандидатом в Местоблюстители.

Таковы главные ступени жизни Казанского иерарха.

Находясь вдали от своей епархии, он широко был осведомлен о всех важных событиях церковной жизни. Митрополит Кирилл, действительно, знал о многом. Он знал о кончине Патриарха Тихона, о его завещании от 25 декабря 1924 г., в котором указывались три кандидата в Патриаршие Местоблюстители. Известно ему было и о вступлении митр. Петра в управление Русской Церковью, об образовании григорианского ВВЦС, о замещительстве митр. Сергия и его переписке с митр. Петром и митр. Агафангелом. Знал он и об учреждении митр. Сергием при себе Временного Патриаршего Синода и о тех нестроениях, которые возникли в Русской Церкви вследствие новой церковной политики, предпринятой Заместителем.

Осведомлен он был и о тех архиереях, которые выступили в качестве обличителей митр. Сергия, и об их отделении от первоиерарха. Даже известно было ему постановление Синода от 26 июля 1929 г. за № 94 (6 августа за № 186 было отправлено) относительно 4 таинств, совершаемых обновленческими и находившимися в расколе (иосифлянском и др.) священниками, и о чине погребения над скончавшимися в упомянутых расколах, и т. п. К нему приезжали люди, чтобы оказать ему посильную материальную поддержку и в то же время поделиться с ним всеми церковными новостями и получить от него надлежащий совет. Ему писали, и он отвечал. Отсюда и та осведомленность, о которой мы упомянули выше.

Но нас интересует не эта сторона жизни митр. Кирилла, а его взгляд и отношение к церковным событиям, непосредственно связанным с иосифлянством, викторианством и другими отколовшимися лицами, и те причины, которые расположили его к оппозиции против митр. Сергия.

Чтобы правильно определить его взгляд и отношение ко всему вышеуказанному, мы приведем один отрывок из его письма, написанного им какому-то неизвестному нам лицу.

Вот этот отрывок:

«Я никого не сужу и не осуждаю, но и призвать к участию в чужих грехах никого не могу, как не могу осуждать и тех иерархов во главе с м. Иос., которые исповедали свое нежелание участвовать в том, что совесть их признала греховным. Это исповедание вменяется им в нарушение ими церковной дисциплины, но церковная дисциплина способна сохранять свою действенность лишь до тех пор, пока является действительным отражением иерархической совести Соборной Церкви; заменить же собою эту совесть дисциплина никогда не может. Лишь только она предъявит свои требования не в силу указаний этой совести, а по побуждениям, чуждым Церкви, неискренним, как индивидуальная иерархическая совесть непременно станет на стороне соборно-иерархического принципа бытия Церкви, который вовсе не одно и то же с внешним единением во что бы то ни стало. Тогда расшатанность церковной дисциплины становится неизбежной, как следствие греха. Выход же из греха может быть только один — покаяние и достойные его плоды. И кажется мне из моего далека, что этого покаяния одинаково ждут и ленинградцы, и осуждающие их ташкентцы. Разница между ними не в убеждениях, а лишь в темпераменте, с каким убеждение высказывается. В силу разницы религиозного темперамента одни ждут покаяния немедленно, другие, — чтобы не потерять надежды на возможность созыва законного канонического Собора (какая наивность или лукавство!), чтобы вместе с соловчанами ждать этого покаяния до Собора в уверенности, что Собор не может его не потребовать. Несомненно, что создавшееся положение искренно никто не считает нормальным и, быть может, сами творцы его, чувствующие нужду в письменных свидетельствах в свою пользу, — иначе, при сознании ими своей правоты, им не нужны были бы свидетельства от Арсения*, ни Евгения Благовещенского**»¹.

Итак, из данного отрывка письма мы видим, что митр. Кирилл смотрел на возникшие церковные смуты как на явление отрицательного характера, но вызванное отнюдь не последователями митр. Иосифа, а той церковной дисциплиной, которая, как ему казалось, предъявляла требования, «чуждые» иерархической совести Соборной Церкви.

Митр. Иосифа и единомышленных ему архиереев он не осуждал; как не желавших принимать участия в том, что совесть их считала греховным, и даже признавал их действия вполне законными.

* Стадницкий.

** Зернов.

¹ См. Архив М. М. № 75.

Такой взгляд и отношение митр. Кирилла к церковным событиям сложились, как мы увидим ниже, лишь только потому, что он не знал о некоторых подробностях действительного направления восставших против митр. Сергия.

В его глазах они казались ему людьми, преследующими единственную цель: заставить первоиерарха покаяться в своих ошибках и этим восстановить нарушенный мир. Но он не знал, что эти цели приняли совершенно иное направление, чем он мыслил, и превратились в злохуления на Церковь, управляемую митр. Сергием.

Это обстоятельство и привело митр. Кирилла на путь теоретического признания правоты действий расколоучителей.

Но какие же причины побудили самого митрополита встать в оппозицию против своего первоиерарха?

Причина, главным образом, заключалась в том взгляде, который имел митр. Кирилл на Высшую Церковную Власть.

Он был сторонником единоличной патриаршей власти, и такую именно власть митр. Кирилл признавал единственно канонической и правомочной.

Себя он мыслил пребывающим только в такой Церкви, которая сохраняет в себе указанную выше структуру управления.

Отсюда, естественно, всякая попытка, с чьей бы стороны она ни исходила, поставить рядом с единоличной преемственной властью соуправляющую ей коллегиальную власть, расценивалась им как нарушение Соборного постановления Поместной Церкви и уничтожение единоличной патриаршей власти.

В этом и заключалась основная причина его оппозиции против митр. Сергия.

До того момента, пока митр. Сергей как Заместитель Патриаршего Местоблюстителя управлял единолично, митр. Кирилл признавал его как первоиерарха, сохраняющего патриарший строй в Русской Церкви, но как только он учредил при себе Снод, митр. Кирилл отказался признавать за ним указанные полномочия. В действиях митр. Сергия он увидел прямую угрозу патриаршему управлению, и это толкнуло его на путь оппозиции.

Подробно об этих причинах можно прочесть в его письмах к митр. Сергию и обратно.

Этими письмами мы и воспользуемся, с одной стороны, для раскрытия тех ошибок, которые допустил митр. Кирилл против митропол. Сергия, а с другой — для изложения истории оппозиции.

В конце апреля или, возможно, в самом начале мая 1929 года к митр. Кириллу, находившемуся тогда в местечке Хан-Гайка Красноярского Округа, обратились верующие из Казанской епархии с рядом вопросов, касавшихся их отношения к митр. Сергию и возглавляемой им Церкви.

Митр. Кирилл, как считавшийся правящим архиереем Казанской епархии, нашел необходимым через викарного епископа Афанасия (Малинина) ответить на эти вопросы и известить о своих суждениях митр. Сергия.

Таких вопросов было пять.

1. Можно ли ходить, можно ли молиться, можно ли приобщаться Св. Даров в той церкви, где поминают митр. Сергия?

2. Можно ли помянуть рядом в молитве церковной митр. Кирилла и митр. Сергия?

3. Какова должна быть формула церковной молитвы о предрержащих властях, чтобы ею не искажался смысл церковной молитвы и христианского отношения к власти, какая бы она ни была?

4. Как быть ищущему священства при современном церковном положении, чтобы иметь возможность приносить и Божие Богови без туги сердечной, смущений и соблазнов?

5. Допустимо ли обращение за церковным окормлением к одному из иноепархиальных архиереев, не подчиняющемуся распоряжениям митр. Сергия с так называемым Временным Патриаршем Синодом?

Как же ответил на все эти вопросы митр. Кирилл? Прежде всего, он подчеркнул, что митр. Сергей превысил свои полномочия, ибо, как признавал митр. Кирилл, «никакой заместитель по своим правам не может равняться с тем, кого он замещает, или совершенно заменить его... Никаких учредительных прав в роде реформ существующих служебных учреждений, открытия новых должностей и т. п. заместителю не может быть предоставлено без предварительного испрошения и указания замещаемого». И если митр. Сергей учредил при себе Врем. Патриарший Синод, то тем самым он превысил компетенцию и самого Местоблюстителя Патриаршего Престола и восхитил права Собора Церковного. И, признавая учреждение Синода погрешительным, он заявляет о своем воздержании от общения с митр. Сергием и единомышленными ему архиереями и от литургисания с ними.

Указав на то, как он сам относится к митр. Сергию, митр. Кирилл ответил на поставленные выше вопросы.

«Мирянам,— писал он,— принимать деятельно участие в церковной жизни приходов, возносящих имя митр. Сергия в качестве возглавляющего иерархию архипастыря, не следует». Но если в данной местности нет «православного» храма, то они могут посещать богослужение и принимать Св. Тайны в храмах, подчиняющихся митр. Сергию. Молиться же за митр. Сергия наряду с остальными архипастырями — не является грехом. Однако богослуженное поминовение митр. Сергия рядом с митр. Кириллом — это плод недоразумения и есть грех.

Для поминовения предрержащих властей митр. Кирилл предложил формулу, составленную «зырянским» духовенством.

На вопрос о ставленниках он ответил, что можно принимать хиротонию и от епископов, подчиняющихся митр. Сергию и Синоду, но с тем только условием, если последние проявили бы терпимость и предоставили ставленнику право находиться в молитвенно-каноническом общении с митр. Кириллом.

Обращение за церковным окормлением к иноепархнальным епископам для Казанской епархии он считал преждевременным¹.

Ответы митр. Кирилла, как видим, более подробно вскрывают нам главные причины его оппозиции.

Прежде всего, он считал, что те недоумения, которые возникли среди верующих по отношению к митр. Сергию и возглавляемой им Церкви, происходят якобы от превышения первоиерархом своих церковно-административных полномочий.

Сам же митр. Кирилл не сомневался в том, что митр. Сергей превысил не только свои права как Заместителя, но даже и Местоблюстителя.

Он ни в какой степени не соглашался с той церковной реформой, которую проводил митр. Сергей, усматривая в этом прекращение действительности преемственной канонической единоличной власти и переход к синодальному управлению.

Признавая подобную реформу греховным поступком митр. Сергия, митр. Кирилл, боясь того, чтобы не быть участником греха и в целях вразумления согрешающего брата, отстраняется от братского общения с митр. Сергием и единомышленными ему архиереями, и до тех пор, пока он (первоиерарх) не уничтожит учрежденного им Синода, он (митр. Кирилл) не будет признавать ни одного церковно-административного распоряжения, издаваемого от имени Патриаршего Синода, обязательным для своего исполнения.

Характерно, что митр. Кирилл подобным отношением к митр. Сергию и Синоду не считал себя как бы отделившимся от руководимой первоиерархом части Православной Церкви, и даже, более того, не допускал ни единой мысли о безблагодатности таинств, совершаемых сергианскими епископами и священниками. В этом он далеко был не единомыслен с иосифлянами и викторианами, которые не только отрицали благодатность совершаемых таинств в сергиевских храмах, но и считали только себя находящимися в Церкви, а митр. Сергия в расколе.

Кроме воздержания от братского общения с митр. Сергием и единомышленными ему епископами, митр. Кирилл отказывался от совместного литургисания с ними, от общественной молитвы в храме с верующими, которые признавали Врем. Патриарший Синод, и отменял поминовение за Божественной службой имя митр. Сергия.

Вот, собственно, тот объем оппозиции, определившийся у митр. Кирилла по отношению к первоиерарху и Свящ. Синоду.

Когда митр. Сергей получил письмо от митр. Кирилла с приложением его суждений, он глубоко сожалел о наметившейся оппозиции видного иерарха. До него и раньше доходили слухи о митр. Кирилле и о его отношении к церковной власти, но тогда он думал, что если митр. Кирилл и допускал кое-какие неблагоприятные действия по отношению к первоиерарху, то делал это вследствие своей неосведомленности о настоящем положении его деяний. Теперь же, когда он держал в руках своих письмо митр. Кирилла,

¹ См. Архив М. М. № 75.

не оставалось никаких сомнений в истинности доходивших до него слухов о Казанском митрополите. Тогда, учитывая то положение, что отход митр. Кирилл может произвести в Русской Церкви новые нестроения, митр. Сергей обращается к нему с ответным письмом, в котором вскрывает несостоятельность его взглядов и дает правильное освещение церковным событиям.

В чем же заключалась несостоятельность взглядов митрополита Кирилла?

Прежде всего в том, что митрополит Казанский неправильно мыслил о полномочиях митр. Сергея.

Митр. Кирилл в определении полномочий первоиерарха исходил не из существа дела, а из термина «Заместитель» и потому смотрел на митр. Сергея как на иерарха с ограниченными правами. Фактически же объем полномочий митр. Сергея определялся не титулом, а текстом завещания митр. Петра. А в завещании говорилось, что права и обязанности Местоблюстителя временно переходят к такому-то и такому-то..., вследствие чего воспринявший эти права и обязанности уже именовался не «Заместителем», а «Врем. Исполн. Обязанности Патриаршего Местоблюстителя». И поскольку Патриарший Местоблюститель митр. Петр, согласно завещанию, имел в полном объеме права и обязанности Патриарха, постольку и митр. Сергей воспринял от Местоблюстителя права и обязанности в том объеме, какой имел последний.

Вторая несостоятельность взгляда митр. Кирилл заключалась в том, что он обвинил митр. Сергея в превышении им власти и приостановлении действительности и обнаружения законной единоличной преемственной власти чрез учрежденный первоиерархом Врем. Патриарший Синод.

Полномочий своих митр. Сергей не превышал, поскольку действовал так по примеру Патриарха Тихона. Учрежденный же им Синод не угрожал целостности патриаршего строя, но, наоборот, при правильном функционировании служил к оправданию и утверждению идеи патриаршеской и к сохранению патриаршества.

Ошибки, которые допустил митр. Кирилл, привели последнего к административному, а затем евхаристическому разрыву с первоиерархом. Но как первое, так и второе рассматривается, с точки зрения канонов, не чем иным, как только действиями, ставящими иерарха на одну ступень с расколом. Это и подтверждается тем, что митр. Кирилл имел полную солидарность с отколовшимися от Заместителя, которые образовали свое особое общество, в полном смысле — «церковь лукавующих».

Действия митр. Кирилла осуждаются 8 пр. Св. Апостолов, которое угрожает отлучением от общения церковного епископа и всякого «из священного списка», кто при совершении приношения (в Православной Церкви) не причастится.

Митр. Кирилл не может оправдывать свой поступок тем, что он, поступая так (т. е. не причащаясь с первоиерархом), стремится подобным способом воздействовать на Заместителя и заставить

его упразднить Синод, ибо ни одному епархиальному архиерею не даны такие полномочия, чтобы каждый из них, единолично осудив деятельность первоиерарха, мог тотчас отказать ему в каноническом послушании и порвать с ним евхаристическое общение.

Каноническая истина подобного явления не знает. Деяния первого епископа подлежат суду епископов всей области (1 пр. III Всел. Соб.), а не одного. В противном случае «в церковном чине» произойдет не только «замешательство», а настоящий хаос, угрожающий конечным расстройством церковной жизни.

«Иерархическая совесть», о которой говорит митр. Кирилл, должна сообразоваться только с канонами и словом Божиим¹.

Таковы основные ошибки и несостоятельность взглядов митр. Кирилла.

Митр. Сергей, ввиду уже начавшегося соблазна в церковной среде, вызванного выступлением Казанского митрополита, мог бы перейти к действию, т. е. применить по отношению к последнему церковную меру прещения, но он этого не сделал. Заместитель еще надеялся, что митр. Кирилл осознает свою неправоту и присоединится к тем, кто прилагает свои усилия к созиданию церковного организма и к устранению смут и волнений, и потому отложил наказание. Он определил срок (1 декабря 1929 г.), к которому митр. Кирилл должен был дать ясный ответ: сможет ли он пересмотреть свое решение и иметь мужество признать, если не всю неправильность, то хотя бы излишнюю поспешность своего разрыва с первоиерархом и Патриаршим Синодом.

Итак, изложив в письме от 5/18 сент. 1929 г. все то, что могло служить к церковному миру и взаимному пониманию, митр. Сергей направил одного из членов канцелярии Священного Синода к митр. Кириллу и с ним препроводил свое письмо.

Митр. Кирилл проживал в это время в г. Енисейске по ул. Фелова, д. № 52. Он, вероятно, и не ожидал приезда кого-либо из Московской Патриархии. И, возможно, был удивлен, когда неожиданно к нему 19 октября явился уполномоченный от канцелярии Синода и вручил ему письмо от митр. Сергия.

Тщательно ознакомься с содержанием письма Заместителя, митр. Кирилл открыто высказал свое несогласие с теми данными, которые приводил митр. Сергей в своих рассуждениях. И так как последний требовал от него ответа, он и решил к указанному сроку написать отзыв на письмо первоиерарха.

Отзыв был закончен 30 октября ст. ст. 1929 г. и отправлен митр. Сергию

Ответ митр. Кирилла, в сущности, ничего нового не давал. В нем он только подтвердил свой ранее высказанный взгляд на полномочия Заместителя.

Ясно, что митр. Кирилл, несмотря на все веские доводы митр.

¹ См. Архив М. М. № 75.

Сергия, остался при своих убеждениях. Фактически он стоял на том принципе, чтобы первоиерарх отказался от учрежденного им Патриаршего Синода, поскольку эта сторона реформы в церковном управлении, как ему казалось, являлась основным камнем преткновения для многих умов российского епископата, болезненно переживавшего за церковный патриарший строй Русской Церкви, и вносила в церковную жизнь нестроения.

Митр. Кирилл согласен был даже с тем фактом, чтобы при митр. Сергии были бы учреждены постоянные советники-епископы, но не соуправители.

Глубоко возмутило митр. Кирилла и августовское постановление Синода, воспрещавшее священникам совершать отпевание над лицами, умершими в иосифлянском расколе или вообще в несогласии с митр. Сергием. Это подало повод митр. Кириллу смотреть на митр. Сергия как на иерарха, потерявшего душевное «равновесие».

В завершение всего, митр. Кирилл, хотя и косвенно, предложил Заместителю рассмотреть его дело совместно с митр. Петром, которого он признавал первым епископом страны¹.

Отзыв митр. Кирилла не мог порадовать митр. Сергия. Он глубоко был огорчен тем противлением, которое высказал митр. Кирилл. Ни ему, ни тем более членам Синода и вообще единомышленному митр. Сергию епископату не хотелось порывать молитвенного общения со старейшим и первым кандидатом в Патриаршие Местоблюстители иерархом. И хотя митр. Кирилл признавал, что для мирян не обязательно порывать общение с митр. Сергием, тем не менее личный его пример отделения мог всегда отрицательно действовать не только на высшее и низшее духовенство, но и рядовых пасомых.

Что же оставалось делать митр. Сергию?

По прямому смыслу церковных правил он должен был бы сразу же наложить церковное взыскание на митрополита, не пожелавшего быть в молитвенно-каноническом общении с первоиерархом, но митр. Сергей от этого воздержался. Он нашел нужным отодвинуть на некоторое время церковное прещение и с надеждой ожидать последнего слова митр. Кирилла.

С таким настроением митр. Сергей еще раз обращается к нему с письмом от 2 янв. 1930 года.

В письме первоиерарх убедительно и четко доказывал, 1) что его (Заместителя) права сохраняют в полном объеме права и обязанности Патриарха, согласно прямому смыслу акта передачи этих прав Патриаршим Местоблюстителем; 2) что митр. Кирилл неправильно думает, якобы Синод ограничивает права Заместителя и превращает его в простого уполномоченного; 3) что митр. Сергей, по аналогии с действиями Патриарха Тихона, имел полное право учредить при себе Врем. Патриарший Синод, и угрожать

¹ См. Архив М. М. № 75.

ему за это отделением — значит приносить вред Церкви; 4) что главным мотивом отделения являлся не Синод, а декларация, в которой противники увидели якобы подчинение царства Божия царству мира, и что митр. Кирилл несет равную ответственность с самочинным обществом, «водрузившим свой алтарь», независимо от того, все ли принимает он заблуждения раскольников или же только некоторые; 5) что разговор между ними (митр. Сергием и митр. Кириллом) не есть частное дело, а есть общецерковное, поскольку действия митр. Кирилла производят церковный соблазн; 6) что митр. Кирилл может обличать первоиерарха, но только частным образом, а не общенародно; и, наконец, 7) что лучше терпеть неопределенное время в ожидании Собора некоторые недостатки в организации церковного управления, которые по самому своему характеру не затрагивают глубоко христианской церковной жизни и не могут переродить ее во что-то чуждое, чем учинять из-за этих недостатков раскол и каждой стороне ждать Собора.

Письмо свое митр. Сергей заканчивает таким условным постановлением:

«1. Преосвященного митрополита Казанского и Свияжского Кирилла (Смирнова) предать суду Собора архиереев по обвинению во вступлении в общение с обществом, отделившимся от законного церковного священноначалия и образовавшим раскол, и в поддержке названного раскола своим примером, словом и писаниями (нарушение правил Апост. 10, 16 и 31 и аналог.), в демонстративном отказе от принятия Св. Тайн в православных храмах (прав. Апост. 8; Антиох. 2) и в отказе повиниться законному Заместителю Патриаршего Местоблюстителя и иметь с ним общение (Двукр. 15 и аналог.).

2. В целях освобождения Преосвященных викариев, клира и мирян Казанской епархии от канонической зависимости от митр. Кирилла, а равно и в целях ограничения дальнейшей, нарушающей церковный чин деятельности названного митрополита — уволить его от управления Казанской епархией на покой, с правом священнодействия с разрешения местных епархиальных архиереев.

3. Священнодействие в сослужении с митрополитом Кириллом разрешается для православных священнослужителей лишь под условием поминовения митр. Кириллом местного православного архиерея.

4. Назначить Преосвященному митр. Кириллу крайним сроком 15 февраля 1930 года для выражения им канонического послушания и отказа от общения с раскольниками. Если до означенного числа заявлений указанного содержания от митр. Кирилла не последует, считать настоящее постановление вступившим в силу с нижеписанного числа.

Эта новая отсрочка дана при отсутствии твердой надежды на благоприятный исход, да будет Вам свидетельством, насколько

всем нам тяжело Вас потерять и насколько сильно наше желание остаться с Вами в братском общении и единомыслии.

Вашего Высокопреосвященства молитвенник и брат
о Христе СЕРГИЙ, Митрополит Нижегородский.

Января 2-го дня 1939 г.¹

г. Москва»

Как ни печально, но митр. Сергей должен был, хотя и условно, вынести указанное выше постановление с той мыслью, что, возможно, эта мера прещения в какой-то степени подействует на митрополита Кирилла.

По сравнению с другими постановлениями, это постановление было меньшим по объему, чем те, которые выносились против иосифлян и других раскольников.

Там митр. Сергей и Синод не только устраняли провинившихся от управления епархией, предавая их суду православных архиереев, но и налагали на них запрещение в священнослужении. Здесь же он ограничился только двумя мерами: преданием митр. Кирилла суду православных архиереев и освобождением его от управления епархией. Запрещения же в священнодействии не последовало. В этом усматривается большое братское снисхождение митр. Сергия к митр. Кириллу.

С кем было послано письмо Заместителя с прилагаемым в нем постановлением, нам неизвестно. Возможно, опять с каким-либо членом Канцелярии Синода, который и должен был получить от митр. Кирилла определенный ответ.

Как же отнесся к письму и постановлению митр. Кирилл? Согласился ли он с теми доводами, которые приводил в свое оправдание митр. Сергей? Факты дают только отрицательный ответ. Митр. Кирилл остался при своих убеждениях и взглядах на деяния митр. Сергия.

Следствием этого было то, что условное постановление митр. Сергия о предании митр. Кирилла суду православных архиереев и об устранении его от управления Казанской епархией с 15 февраля 1930 года вошло в силу.

Через три года митр. Сергей повторил снова попытку убедить митр. Кирилла примириться с ним и с Синодом. Дважды (20 января и 27 февраля н. ст. 1934 г.) посылал он к нему с миссией мира еп. Ржевского Палладия (Шерстенникова), но все было напрасно: митр. Кирилл оставался непреклонным. Так ничего не достиг митр. Сергей в своих стремлениях примирить с Синодом б. Казанского митрополита. И только незадолго до своей кончины, последовавшей от укуса змеи в августе 1941 г., митр. Кирилл осознал свою ошибку и примирился с митр. Сергием, так долго ожидавшим его обращения.

Оппозиция митр. Кирилла большого влияния на российский епископат не имела. Нам известен только один епископ, который под

¹ См. Архив М. М. № 75.

его влиянием окончательно вступил на путь оппозиции против митр. Сергия. Это был епископ Амфилохий (Скворцов) б. Енисейский и Красноярский.

О жизни сего иерарха сохранились небольшие сведения.

Еп. Амфилохий (в мире Александр Скворцов) родился в 1885 г. в семье псаломщика с. Норваш Цивильского уезда Казанской губернии. Первоначальное образование он получил в Чебоксарском духовном училище и в местной духовной семинарии.

Примечательно, что юноша Александр с самых юных лет чувствовал в себе призвание к иноческой жизни. Он имел уже намерение по окончании семинарии вступить в число братии одного из отдаленных монастырей, но, по совету своего духовного отца, в 1906 году поступает в Казанскую духовную академию, где 22 марта 1907 года 22-летний Александр принимает монашество с именем Амфилохия¹.

В 1908 году его посвящают во иеродиакона, а в 1910 году — во иеромонаха.

В том же году он блестяще оканчивает курс академии со степенью кандидата богословия и переходит слушать лекции в С.-Петербургский университет на восточный факультет для изучения монгольского языка.

16 августа 1911 г. его утверждают в должности преподавателя Казанской духовной академии по кафедре монгольского языка, истории и обличения ламаизма.

В 1912 г. он совершает путешествие (командировку) в Монголию и Забайкалье с целью изучения тибетского языка и богословской литературы ламаизма.

Путешествие это занимает два года. И снова он в стенах академии, обогащенный научными знаниями.

В 1922 году состоялась его хиротония во еп. Мелекесского, вик. Симбирской епархии.

Управлял епископией он недолго: в сентябре 1923 г. еп. Амфилохий ушел на покой.

В апреле 1928 г. он был назначен еп. Донским и Новочеркасским, а в конце года — Енисейским и Красноярским. Вот здесь-то, вероятно, еп. Амфилохий и сблизился с митр. Кириллом, который проживал в те годы в г. Енисейске. Последний и оказал на него моральное влияние, расположив еп. Амфилохия к окончательной оппозиции против митр. Сергия и Синода в момент назначения его на Енисейскую кафедру.

Оппозиция еп. Амфилохия выразилась, главным образом, в том, что он не пожелал более пребывать на епархии и вообще принимать, как ему казалось, унижительным способом назначения.

В конце 1929 г. или, во всяком случае, в самом начале 1930 г. он самовольно оставил епархию и удалился в тамошние таежные леса, где основал свой скит. После этого еп. Амфилохий к епархиальной жизни не возвращался.

¹ Прав. Собеседн., 1907 г., апр., стр. 587. Пострижение в монашество.

Скончался он в 1946 году.

Примкнул ли еще кто из епископов к митр. Кириллу, нам неизвестно. Если кто и примкнул, то они не имели большого влияния на жизнь Русской Церкви. Это были оппозиционеры-одиночки, которые в одиночку появлялись на арене церковных событий и в одиночку исчезали, и вместе с ними прекращалась и их оппозиция.

КАНОНИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ОППОЗИЦИИ МИТР. КИРИЛЛА

Исходя из постановления митр. Сергия и Врем. Патриаршего Синода от 2-го января 1930 г., оппозиция митр. Кирилла шла в прямое нарушение церковных правил: Ап. 10, 16, 31 и 8; Антиох. 2 и Двукр. 15.

Ап. правила 10, 16 и 31 предписывают отлучать от общения церковного лиц, с одной стороны, входящих в молитвенное общение с теми, кто уже был отлучен от церковного общения, а с другой — принимающих таковых в общение.

Митр. Кирилл, как вступивший в общение с обществом, отделившимся от законного церковного священноначалия и образовавшим раскол, и оказавший своим личным примером, словом и писаниями поддержку иосифлянскому расколу, нарушил указанные выше апостольские правила и сам себя подверг отлучению.

Демонстративный отказ видного иерарха от принятия Св. Таин в храмах, подчиненных митр. Сергию, ставил его (митр. Кирилла) ответственным за нарушение 8 ап. правила и 16 пр. Антиох. Собора.

Одним из самых видных доказательств тесного единения между верующими, как об этом справедливо замечает митр. Сергий, является евхаристическое общение. Нарушение последнего ведет неминуемо к разрыву между членами Церкви. Отсюда, как следствие, евхаристический разрыв митр. Кирилла с сергианами произвел разрыв и административный с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя. Здесь уже митр. Кирилл оказался лицом к лицу с 15 пр. Двукр. Собора, осуждающим тех, кто, ставя вину своего первоиерарха, без достаточного основания отделяется от общения с последним.

Итак, оппозиция митр. Кирилла основывалась на нарушении церковных канонов и вела к удалению от церковного единства.

По прямому смыслу правил он должен был бы быть запрещен в священнослужении, и если этого с ним не случилось, то это объясняется только любвеобильным отношением к нему митр. Сергия, применившего такие меры прещения, которые более всего могли смягчить сердце маститого иерарха и в конечном итоге дать ему возможность совершить покаяние.